

Трачевский А.С.

**Международная политика в
эпоху Людовика XIV**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Т11

Т11 **Трачевский А.С.**
Международная политика в эпоху Людовика XIV / Трачевский А.С. – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 72 с.

ISBN 978-5-458-00707-8

ISBN 978-5-458-00707-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

шеннаго патриотизма, хотя болѣе хладнокровнаго. Къ западнымъ историкамъ присоединился русскій г. Гуревичъ ¹⁾, взявшій мало разработанную и крайне интересную сторону дѣла — экономическій вопросъ въ исторіи происхожденія войны за испанское наслѣдство, при чемъ выдвинулась политика Англій. Не сообщая новыхъ документовъ, этотъ прекрасный трудъ представляетъ обработанный сводъ литературы предмета, тѣмъ болѣе цѣнный, что въ нашей историографіи предметъ затронутъ впервые.

I.

Макиавелизмъ.

Чѣмъ крупнѣе политическая сила, тѣмъ болѣе въ ней массоваго, стихійнаго начала, тѣмъ ярче, безотчетнѣе выступаютъ первобытныя, животныя черты въ борьбѣ за существованіе. Чѣмъ менѣе цивилизована окружающая ее среда, тѣмъ суровѣе эти черты: тогда самыя идеи, эти символы, столь же необходимыя для массъ, какъ знамена для армій, окрашиваются оттѣнкомъ фанатизма. Таковы языческая страстность и племенной патриотизмъ, лежавшіе въ основаніи внѣшней политики древняго Востока. Въ классическомъ мірѣ долго господствовалъ религіозный фанатизмъ въ формѣ кровнаго, родоваго начала, прекрасно схваченнаго Фустьель де Куланжемъ ²⁾ и подтвержденнаго социологіей. Но рядомъ съ нимъ развивалось столь же неумолимое государственное начало, вѣнцомъ котораго сталъ Римъ и особенно его міродержавная имперія: здѣсь зародышъ дипломатіи, которая долго была лишь наивнымъ обобщеніемъ первобытныхъ преданій (*divide et impera*—властью путемъ раздоровъ) и, прикрываясь новыми формами цивилизаціи, значительно сохранилась до нашихъ дней печальнымъ пережиткомъ („survival“ Тайлора). Ея первымъ и искуснымъ преемникомъ въ средніе вѣка было папство, обращавшее самую идеальную религію въ свое фанатическое орудіе. Но она рано стара-

¹⁾ *Гуревичъ*. Происхожденіе войны за испанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англій. С.-Пб. 1884; это сочиненіе первоначально было напечатано въ *Ж. М. Н. Пр.* Дополненіемъ взгляда автора на Людовика XIV служитъ его брошюра: Значеніе царствованія Людовика XIV и его личности. С.-Пб. 1886. Это—вступительная лекція, которую онъ читалъ въ Петербургскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента по кафедрѣ всеобщей исторіи.

²⁾ *Fustel de Coulanges*. La cité antique. Въ русскомъ переводѣ—„Гражданская община древняго міра“; изд. *Солдатенкова*.

лась выдѣлиться въ болѣе свойственной ей формѣ свѣтскаго интереса. Подъ потрясающимъ вліаніемъ Крестовыхъ походовъ, этотъ интересъ все возросталъ въ видѣ политическаго и національнаго сплоченія или, по лѣтописному выраженію, „собиранія“ земли, власти и народности. Переходъ къ новой исторіи ознаменованъ его утвержденіемъ на крайнемъ западѣ, въ странахъ наиболѣе развившихся, подѣ классическимъ вліаніемъ Италіи.

Тогда опредѣлилась одна изъ главныхъ основъ новой исторіи— абсолютизмъ. Въ немъ естественно должны были воплотиться первобытныя черты политики вообще: тогда гораздо больше, чѣмъ теперь, дипломатія соотвѣтствовала внутреннему строю государствъ. Новая историческая сила обнаружилась прежде всего во Франціи, благодаря особенно борьбѣ съ сосѣдями, и именно съ англичанами. Людовикъ XI былъ открытымъ представителемъ міроваго „обмана“ въ смыслѣ Данта. Человѣкъ, начавшій съ покушенія на жизнь собственнаго отца, завѣщалъ своему сыну правило: „кто не умѣетъ лицемерить, тотъ не правитель“. Но у его преемниковъ нашелся болѣе даровитый соперникъ. „Вотъ ужъ второй разъ онъ надудъ меня!“ воскликнулъ Людовикъ XII о Фердинандѣ-Католикѣ. „Неправда, десятый разъ“, поправилъ его Фердинандъ.

Это артистическое тщеславіе доказываетъ, что старыя, инстинктивные приемы были возведены въ теорію дипломатическаго „искусства“. Фердинандъ былъ поклонникомъ талантливаго публициста Комина, который обожалъ своего друга и героя Людовика XI, хотя и испыталъ его изобрѣтеніе—железную клятку. „Записки“ Комина быстро были переведены на всѣ языки Европы и долго служили любимымъ чтеніемъ интеллигенціи. Здѣсь вѣетъ духомъ возрожденія классицизма, подѣ прямымъ вліаніемъ Италіи. Безпощадный принципъ древняго Рима, „государственная польза“ (*ratio status*), былъ душой Людовика XI и его наперсника; вѣроломный кондотьеръ Франческо Сфорца былъ ихъ идеаломъ. Тогда же прививалось къ жизни римское право, это порожденіе цезаризма, капитализма и рабства: оно замѣняло обычное право и народное правленіе чиновничествомъ, бумажнымъ крючкотворствомъ, утонченнымъ юридическимъ фанатизмомъ. Италіанскія войны содѣйствовали распространенію античнаго взгляда на государство и пресловутой италіанской дипломатіи. Но онѣ же привели къ первому международному принципу. Правда, то было жалкое „политическое равновѣсіе“, заимствованное изъ механики; во оно служило слержкою дипломатической виртуозности юнаго абсо-

лютвама. Къ тому же съ тѣхъ поръ племенной хаосъ, это орудіе папскаго властолюбія, смѣнился строемъ народностей, этихъ питомниковъ свѣтскаго интереса: „лиги“ и „контрлиги“ означали, что Европа стала политической системой.

Не успѣли окончиться Италіанскія войны, эта школа коварства, гдѣ наставникомъ былъ Фердинандъ, какъ появился „Государь“ (Il Principe) Макиавеля. Здѣсь основа не новая. Макиавель плѣнился героемъ Коминна, умершимъ на зарѣ его юности, и своимъ сверстникомъ Фердинандомъ („Il Principe“ написанъ въ 1516 году,—годъ смерти Фердинанда), котораго онъ поставилъ „выше всѣхъ современниковъ въ искусствѣ правленія“. Его поразили также демонизмъ втораго Сфорцы, Чезаре Борджиа. Но Макиавель возвелъ политическій идеалъ эпохи въ перлъ теоретическаго созданія и осѣнилъ его авторитетомъ древности. Классикъ до мозга костей, онъ училъ, что наша личность, дѣти, настоящее, все должно быть принесено въ жертву „государству“. Пылкій патриотъ, получившій презрѣніе къ гражданскимъ свойствамъ соотечественниковъ, Макиавель не видѣлъ другого средства для сплоченія Италіи, кромѣ насилія, которое онъ изучилъ въ свое двадцатилѣтнее управленіе вѣшними дѣлами Флоренціи. Такъ воспитался отецъ дипломатіи или, какъ говорятъ теперь, реальный политикъ. „Коварство—счастливое средство; изворачивайся по волѣ вѣтровъ и колебаній счастья“; вся сила въ военномъ „ремеслѣ“, которое слѣдуетъ распространить на всѣхъ гражданъ; смотри на собственныхъ подданныхъ, какъ на враговъ, сливая вѣшнюю политику съ внутреннею: вотъ основныя черты этого типа.

Здѣсь не мѣсто разбирать этого Шекспира въ политикѣ, назвавшаго свое ученіе „горькимъ лѣкарствомъ, которое только глупецъ станетъ смаковать вмѣсто того, чтобы проглотить сразу“. Его начали понимать лишь въ наше время, когда италіанцы начертали на его памятникѣ: „выше всякихъ похвалъ“. Но иное дѣло—Макиавель, иное—его „Государь“, по крайней мѣрѣ въ его общепринятомъ смыслѣ. Какъ всякое великое произведеніе слова, „Государь“—выданная тайна времени, и не вина Макиавеля, если потомство поставило книгу вѣчнымъ идеаломъ, хотя, къ своей чести, и проклиняло ея автора, какъ Герострата святни совѣсти. Понятно, что произведеніе Макиавеля потрясло всѣхъ: теперь мы такъ умудрены опытомъ, что и дѣти понимаютъ, что такое—карьера, поклоненіе успѣху и силѣ; тогда же требовалось впервые выставить принципъ смѣло, безъ маски, и отчетливо. Макиавель, какъ и сама исторія, не видѣлъ ничего, кромѣ этого

„жесточаго средства“ для „спасенія общества“ отъ пережитковъ средневѣковщины.

Благодаря знаменитой книгѣ, макиавелизмъ сталъ порочнымъ терминомъ, на ряду съ „іезуитствомъ“, которое было его вторымъ, церковнымъ изданіемъ. Рѣдкая книга принесла столько вреда, какъ это сочиненіе, которое было переведено на всѣ языки и заставило забыть трудъ Комина. Въ эпоху темнаго абсолютизма оно было любимымъ чтеніемъ правителей, которые брали въ толкъ лишь его опасныя страницы, пока Фридрихъ II прусскій не выставилъ его къ позорному столбу. Слабый самъ по себѣ, „Антимакиавель“ Прусскаго короля важенъ, какъ произведеніе вѣнценосца временъ „просвѣщенія“: ничтожный по практическимъ послѣдствіямъ въ жизни самого автора, онъ обозначаетъ новую эпоху въ исторіи политическаго сознанія.

Теоретическій смыслъ „Государя“ въ томъ, что онъ выдвигалъ свѣтскій, реальный интересъ противъ церковнаго идеализма среднихъ вѣковъ. Это—плодъ критической мысли, воскресшей въ эпоху возрожденія классицизма. Тогда слагалось болѣе ясное понятіе о государствѣ, подготавливались основы правовѣдѣнія. Пытливые гуманисты и реформаторы стали философствовать объ идеалахъ и началахъ права, не довольствуясь „юриспруденціей“, которая схоластически разжевывала положительныя законодательства. Классиковъ изучали уже не ради одной филологіи и эстетики: въ нихъ находили обширную сокровищницу возврѣній на общежитіе. Географическія открытія затрогивали рядъ подобныхъ же вопросовъ по поводу быта дикарей. Въ самой Европѣ рождались новыя политическія и соціальныя міры—плодъ борьбы различныхъ взглядовъ. Въ международныхъ сношеніяхъ папы подавали примѣръ новой дипломатіи своими перемѣнчивыми свѣтскими „лигами“. Послѣдовалъ союзъ Франціи съ Портой, это открытое глумленіе надъ каноническимъ правомъ, а за нимъ—союзы Французскихъ королей, гонителей гугенотовъ, съ нѣмецкими протестантами. Отсюда зачатки государственнаго и международнаго права въ видѣ многихъ сочиненій эпохи реформаціи, начиная съ „Весѣдъ о первой декадѣ Ливія“ того же Макиавеля. Больше всего разсуждали въ этомъ направленіи, послѣ италіанцевъ, сначала во Франціи и Англіи, потомъ въ Голландіи. Превратившись въ республику, Голландія стала пріютомъ государственной мудрости: вскорѣ она создала Гуго Гроція, съ котораго идетъ непрерывная разработка государственныхъ наукъ.

Между тѣмъ какъ мыслители разсуждали объ идеалахъ государ-

ства, жизнь шла своимъ путемъ. Здѣсь сразу утвердился макиавелизмъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого термина. Но онъ принималъ своеобразныя формы, выѣстъ съ чередованіемъ историческихъ силъ. Три эпохи—реформація, абсолютизмъ и новѣйшее время—представляютъ свои типы и въ международной области. Намъ кажется, что для оцѣнки ихъ слѣдовало бы критически сравнить три рѣдкіе, по своему мировому значенію, международные договора — Вестфальскій (1648), Утрехтскій (1713) и Вѣнскій (1815). Наша задача—содѣйствовать уясненію втораго изъ нихъ.

II.

Политическая Европа при Людовикѣ XIV.

При господствѣ макиавелизма, международныя отношенія зависѣли оттого, были ли въ Европѣ условія, благоприятныя для нарушенія пресловутаго „политическаго равновѣсія“: во всеобщемъ желаніи не могло быть сомнѣнія. Въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII такія условія были на лицо.

За исключеніемъ Франціи, Западъ представлялъ собою тогда не только безотрадное, но и немощее явленіе. Еще не вполне остылъ полуторавѣковой кровавый фанатизмъ, и бросались въ глаза его послѣдствія—нищета и огрубѣніе массъ, боязнь свободной мысли. Тамъ и сямъ просвѣчивали пережитки феодализма, которые истреблялись съ ожесточеніемъ. Отсюда глухая пора въ исторіи—одна изъ самыхъ тяжелыхъ и долгихъ реакцій, сязанныхъ съ господствомъ темнаго, съ точки зрѣнія „просвѣщенія“, абсолютизма. И она, и породившая ее борьба истощили силы народовъ.

Главный соперникъ и сосѣдъ французскихъ Бурбоновъ, Габсбургскій домъ, палъ ниже всѣхъ съ высоты своего кичливаго всемогущества. Испанія, эта руководительница Европы при его первыхъ двухъ представителяхъ, превратилась въ развалину уже при смерти Филиппа II. Ею правили эпитоны, рабы пышной „грандеццы“—того придворнаго этикета, который служилъ атмосферой абсолютизма повсюду, пока не возшла звѣзда Людовика XIV: послѣдній изъ Габсбурговъ, Карль II, былъ игрушкой въ рукахъ своей родни и иностранныхъ пословъ. Благодаря деспотизму и иезуитамъ, страна, которая недавно была первою морскою державой, лишилась всякаго торговаго значенія и дошла до крайняго истощенія. Еще въ началѣ XVII вѣка здѣсь

10 милліоновъ работали надъ прививкой арабской и европейской культуры, а въ концѣ—на запустѣлой землѣ прозябало всего 5¹/₂ милліоновъ лѣниваго, разболѣннаго народа, идеаломъ котораго стали праздность надменнаго хидальго да мертвое удивленіе монастыря. Въ митрополиі золотоносныхъ колоній возвращались къ мѣновой торговлѣ за недостаткомъ денегъ. Провинціи кишѣли разбойниками, контрабандистами и нищими; по городамъ бродили полунагіе солдаты. Офицеры и чиновники тщетно требовали своего жалованья; оголѣлые гранды толпились въ переднихъ дворца, гдѣ подъ часъ не хватало средствъ на столъ короля. Участь Испаніи раздѣляли земли, входившія въ составъ ея монархіи—Сицилія, Неаполь, Миланъ, Испанскіе Нидерланды (теперь Бельгія). Габсбургское иго вызвало возстанія; но они лишь умножали бѣдствія. Только Португаліи удалось освободиться: но Браганцскій домъ оказался не лучше Габсбурговъ, и страна стала игрушкой въ рукахъ французовъ и англичанъ¹⁾.

Не завиднѣе было положеніе нѣмецкихъ Габсбурговъ, не смотря на ихъ внѣшній блескъ, обширность владѣній и громкій титулъ императоровъ. Находясь въ средоточіи Европы, они должны были принимать участіе въ мировой политикѣ и выносить главную тяжесть религіозной борьбы, завѣщанной реформаціей. Ихъ стѣсняли и завоевательныя стремленія старыхъ державъ-союзницъ, Франціи съ Турціей, и жизненныя движенія юныхъ государствъ—Пруссіи, Швеціи, Россіи, Давніи и Голландіи. Они старались укрѣпиться въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, въ Австріи, и готовы были погубить Нѣмецкую имперію для утвержденія тамъ своего абсолютизма. Но имперія сама подрывала ихъ силы, вовлекая ихъ въ европейскія тревоженія и ничего не давая въ замѣнъ. Она до XIX вѣка не могла оправиться отъ потрясеній временъ Тридцатилѣтней войны. Эта война, подъ руководствомъ Бурбоновъ, обрекла ее на долгое политическое изнеможеніе, превративъ ее въ „богоспасаемый хаосъ“: по Вестфальскому миру власть императора раздробилась между множествомъ фюрстовъ²⁾, которые подчинялись вліянію Франціи, стремясь подражать блеску ея двора и не имѣя на то собственныхъ средствъ. Силы которыя могли бы руководить многоглавою Германіей, были слабы

¹⁾ Подробноста во введеніи къ нашей книгѣ „Испанія XIX вѣка“ и у Гуревича (глава VIII).

²⁾ Они характеризованы въ нашихъ статьяхъ о Германіи, въ *Вѣстникъ Европы* за 1875 г.

Пруссія—лишкомъ юна, Австрія—слишкомъ стара. Къ тому же, онѣ только мѣшали другъ другу. Уже бранденбургскій Петръ I, „великій курфюрстъ“ Фридрихъ-Вильгельмъ, относился къ императору не какъ къ своему монарху, а какъ къ союзнику; а послѣ него Бранденбургъ превратился въ королевство Пруссію. Королевская и гогенцоллернская Пруссія уже не могла уживаться съ императорскою и габсбургскою Австріей. Въ данную минуту первая собирала свои силы, вторая теряла послѣднее значеніе. Механическая смѣсь народностей, гнѣздо корыстныхъ феодаловъ и испанскихъ іезуитовъ, Австрія стала образцомъ внутренняго макиавелизма: она управлялась вялыми, напыщенными императорами и министрами-рутинерами. Габсбурги не могли охранять Нѣмецкую имперію отъ чуждыхъ поплзновеній: ихъ самихъ спасали Лны Собѣскіе да Евгениі Савойскіе отъ мятежей мадьяръ и набѣговъ турокъ.

Свѣтскій вождь католицизма, австрійскій Габсбургъ, не могъ разчитывать на помощь его духовнаго главы. Послѣ Тридцатилѣтней войны, папа, которому приходилось бороться съ Франціей и испытывать измѣну іезуитовъ, терялъ власть даже въ Церковной области гдѣ распоряжались иностранные кредиторы да новая мѣстная аристократія. Уже возникали пророчества о гибели папской державы, и обозначалась великая роль Савойи и Пиемонта. Рядъ дѣльных герцоговъ Савойскихъ выставилъ тогда ловкаго дипломата, Виктора Амадея II, и вслѣдъ за повышеніемъ Бранденбурга на лѣстницѣ титуловъ Европа увидѣла въ его лицѣ еще одного короля.

Сѣверъ Европы находился въ хаотическомъ, напряженномъ положеніи. Польша и Данія падали, какъ отъ внутреннихъ неурядицъ такъ и отъ усиленія сосѣдей—Россіи, Пруссіи, Швеціи и Голландіи. Только двѣ послѣднія страны имѣли значеніе, да и то временное. Швеція, послѣ Тридцатилѣтней войны, смѣло и упорно выдвигалась на первый планъ, мечтала о „сѣверной имперіи“, при достойныхъ преемникахъ Густава Адольфа, Карлахъ X, XI и XII; но она нуждалась въ помощи Франціи, въ виду многочисленныхъ соперниковъ, особенно Россіи Петра Великаго. Пріютъ наукъ, искусствъ, политической и умственной свободы, обладательница несмѣтныхъ колониальныхъ богатствъ и могучаго флота, Голландская республика, признанная Вестфальскимъ миромъ, пользовалась значеніемъ, которое не соответствовало ея размѣрамъ (два милліона жителей). Она удачно боролась съ Англіей и Швеціей и была однимъ изъ главныхъ центровъ политики даже при Людовикѣ XIV. Но ея силу подрывала

борьба партій, поддерживаемая соперничествомъ Англіи. „Республиканцы“ или „патріоты“ (денежная знать) подозрительно относились къ „монархистамъ“ или „оранжистамъ“ (народъ, войско и проповѣдники), которые старались усилить власть штатгальтера, принадлежавшую Нассау-Оранскому дому освободителя страны, Вильгельма Молчаливаго. Въ половинѣ XVII вѣка монархисты ослабѣли: пятнадцатилѣтній Вильгельмъ III Оранскій не былъ призванъ штатгальтеромъ, и власть перешла къ вождю республиканцевъ, Япу де-Витту. Другъ и ученикъ Декарта, честный патріотъ, Виттъ оказался такимъ пылкимъ республиканцемъ, что, увлекаясь внутреннею борьбой, не могъ достаточно углубиться во внѣшнюю политику. Возвышая флотъ, онъ самъ ослаблялъ войско, какъ главную опору монархистовъ. А чтобы оградить страну съ сухаго пути, онъ склонился къ Людовку XIV, довѣрившись его соблазнительнымъ обѣщаніямъ. Виттъ только ослабилъ Голландію, на которую пали первые удары вѣроломнаго монарха Франціи.

При безсиліи материка, все дѣло было въ Англіи, которая такъ блистательно боролась съ Франціей въ средніе вѣка и отличилась, какъ вождь протестантизма, при Елизаветѣ. Но и она пала послѣ своей любимицы „королевы-феи“. Дорого стоило ей господство Стюартовъ, замышлявшихъ уничтожить основы ея быта — конституцію и протестантство. Нація преодолѣла эти попытки, но цѣною двухъ революцій, изъ которыхъ первая потрясла ее до основанія. Не говоря уже про матеріальныя потери, Англія, съ одной стороны, долго страдала отъ нравственнаго растлѣнія, внесеннаго смутой въ парламентскую среду, съ другой — не былъ рѣшенъ вопросъ династическій: до половины XVIII вѣка поддерживаемые Версалемъ отпрыски Стюартовъ привлекали къ себѣ сочувствіе торійской знати, ненавидѣвшей виговъ, на которыхъ оперлась новая, Ганноверская династія. Впрочемъ тогда же, послѣ второй революціи, Англія стала возвышаться: объ ея упорство разбились властительныя стремленія Людовика XIV. Ниже мы присмотримся къ ней внимательнѣе.

Застой, отсутствіе творчества да связанныя съ реакціей неурядицы въ старыхъ государствахъ; напряженіе сверхъ силъ, тяжелые внутренніе вопросы, исканіе опоры внѣ въ государствахъ новыхъ — вотъ политическая Европа при переходѣ отъ XVII вѣка къ XVIII. Этими и пользовалась Франція, которая одна представляла собою относительную силу.

III.

Людовикъ XIV и значеніе Франціи.

Первостепенное значеніе Франціи объясняется тѣмъ, что, благодаря національной даровитости, географическому положенію и обстоятельствамъ, она раньше всѣхъ выработала себѣ силы, которыя находились тогда на исторической очереди.

Вредная крайняя раздробленность народностей, земель и власти, эта душа среднихъ вѣковъ, могла исчезнуть лишь подъ давленіемъ столь же крайняго значенія составныхъ частей общегитія. Тогда сплоченіе могло возникнуть лишь въ формѣ абсолютизма, къ которому явно стремились всѣ народы съ исхода Крестовыхъ походовъ. Онъ обнаружился давно въ Италіи, какъ самой развитой странѣ, гдѣ всходили зародыши всего новаго въ теченіе среднихъ вѣковъ и даже въ XVI столѣтіи. Но то были мимолетные намеки: за Альпами не было условій національнаго единства.

Какъ историческая сила, абсолютизмъ выдвинулся прежде всего во Франціи. Здѣсь, на ряду съ раннимъ патриотизмомъ, развивалось стремленіе народа поддержать королей въ ихъ борьбѣ съ феодалами и англичанами. Тому же служили „государственные чины“ (*états généraux*), этотъ земскій соборъ Франціи, въ то время какъ парламентъ въ Англіи старался ограничить власть короны: при Карлѣ VII они сами себѣ подписали приговоръ, разрѣшивъ королю собирать подать на содержаніе постоянной арміи. Сынъ его, Людовикъ XI, уже сталъ героемъ новаго цезаризма. Слѣдуя по его стопамъ, Францискъ I обратилъ галликанскую церковь въ государственное учрежденіе, а гордыхъ феодаловъ—въ своихъ царедворцевъ и въ „жандармерию“ на жалованьѣ. Въ страшѣ, еще не имѣвшей столицы, дворъ сталъ сердцемъ національной жизни. Религіозная смута не надолго задержала развитіе новой силы: воскресшіе государственные чины оказались игрушкой партій, а знать—тираномъ съ отжившими идеями. Разочарованная нація больше прежняго прильнула къ абсолютизму—и Генрихъ IV въ пятнадцать лѣтъ снова собралъ распавшуюся власть и землю. Правда, сила перваго Бурбона заключалась прежде всего въ любви націи, которую онъ плѣнилъ подвигами самоотверженія и героическимъ правиломъ: „король долженъ дѣлать не все, что

можетъ". Но вѣ внутренняго величія его личности уже почти не оставалось ограниченій абсолютизма.

Длившаяся еще съ полѣвка борьба знати, церкви и парламентовъ (высшихъ судовъ) съ абсолютизмомъ была агоніей средневѣковыхъ пережитковъ: въ глазахъ народа Фронда стала олицетвореніемъ отжившихъ стремленій и пошлости. Головой выше ея героевъ были кардиналы-политики, выводяшіе Францію на новый путь, по которому устремилась и очарованная Европа. Ришелье заѣпилъ идеалъ церкви идеаломъ государства въ аптичномъ, макиавелевскомъ смыслѣ этого слова. Фанатически истребляя всякую жизнь вѣ священнои области „государственной пользы“, жертвуя націей мистеріямъ „государственныхъ тайнъ“ (arsana imperii), доступныхъ одному вѣнценосцу, онъ и отъ него требовалъ жертвоприношеній на алтарь новаго кумира: не королямъ служилъ онъ, а коронѣ. Людовикъ XIII ненавидѣлъ неутомимаго кардинала. Марія Медичи, за ослушаніе, умерла въ бѣдности за предѣлами своего королевства: они еще не постигали новой идеи. Даже ничтожный ученикъ великаго кардинала, Мазарини, не вѣрившій ни во что, кромѣ денегъ, благоговѣнно признавалъ ея божественность. Прологатель пути, Ришелье дѣлалъ черную работу: его орудіемъ былъ беспощадный макиавелизмъ, въ его полнотѣ; и съ его помощью, при поддержкѣ народа, онъ въ восемнадцать лѣтъ истребилъ остатки феодализма. Мазарини—уже представитель утонченностей дѣла: эшафотъ смѣнился политическимъ торгашествомъ, отвращеннымъ коварствомъ. Миновалъ бурный, кровавый періодъ рожденія могучей силы: новое начало вошло въ жизнь.

Понятна вѣшняя политика, въ которой всегда отражаются черты строя общезитія: внутри—государство, вѣ—французское государство. Но эту формулу нарушала крупная международная сила времени реформаціи, хотя это была уже одна бессодержательная форма, окруженная обаяніемъ прошлаго величія: нужно было сломить Габсбурговъ, опиравшихся на папство. Нигдѣ макиавелизмъ не проявлялся такъ наивно, какъ въ дипломатіи французскихъ кардиналовъ. Гонитель гугенотовъ, Ришелье продолжалъ дѣло ихъ друга, Генриха IV, а по его стопамъ шелъ Мазарини: они союзились съ нѣмецкими протестантами, англійскими революціонерами и турками, и Вурбонн заняли мѣсто Габсбурговъ, испанская эпоха смѣнилась французскою. Послѣднее дѣло Мазарини, Пиренейскій миръ (1659 г.) былъ завершеніемъ оборонительныхъ усилій Франціи: Испанія уступила ей свои земли по сю сторону Пиренеевъ и часть Вельгій и вступила съ нею